

Глава 16

Плач, поведавший о ненависти всей жизни

— Я беспокоюсь, что тебе будет неудобно осматриваться оттуда, — серьёзно произнёс Дань Фэн. — Сюэлянь любят творить свои тёмные дела во время бедствий, а эти земли уже переживали голод. Место весьма подозрительное.

С этими словами он, словно невзначай, шагнул ближе к тени.

— Не подходи! — резко бросила тень.

Не успели эти слова сорваться с её губ, как пол под ногами Дань Фэна затрещал и обрушился. Он среагировал молниеносно, одним прыжком оказавшись на алтарном столе.

Под залом Небесных царей, оказывается, был подвал.

Лишь благодаря своей невесомости тень смогла устоять на прогнивших досках. Увидев его оплошность, она издала тихий, холодный смешок.

— Какое зловоние, — сказал Дань Фэн. — Что там, внизу?

Он слишком долго провёл в ледяных пустошах, питаясь духовным зерном, твёрдым, как железный песок, и во рту у него давно поселилась пресная скука. Внезапно ударивший в нос густой смрад он бы не спутал ни с чем. Как в святом буддийском месте могло оказаться мясо и вино?

— Жертвенные животные, — ответила тень.

Тем временем пение за стенами зала становилось всё громче и настойчивее, словно похоронный плач, от которого кровь стучала в висках. Голос Майтреи Накопленного Снега был могучим, но невнятным, он то и дело причмокивал, а голоса монахов вокруг него сливались в непрерывный вой.

— Что за абракадабру они бормочут! — прорычал Дань Фэн, сжимая виски.

Грохот!

Раздался ещё один оглушительный удар, и сквозь пролом в крыше храма пробился луч лунного света.

Фигура Майтреи Накопленного Снега осела, принимая позу полного лотоса. Зал Небесных царей тут же рухнул наполовину, и скопившийся на крыше снег хлынул на его дхарма-тело.

Земля под ним треснула, и из разломов хлынули потоки желтовато-белого жира, смешанного с бесчисленными свиными ушами. Эта масса на глазах застывала, превращаясь в белоснежный лотосовый трон.

Дань Фэна затошнило.

Всепроникающий смрад был настолько сильным, что даже крысы после такого перешли бы на постную пищу. Надо же было Сюэлянь додуматься посадить Майтрею медитировать на таком.

— ...Предельная чистота...

— Что ты сказал? — переспросила тень.

— То, что они только что пели. Истинный канон Великого Озёрного Духа Снега. «Когда Майтрея Накопленного Снега улыбается, он обращает всех живых существ, направляя их сердца к предельной чистоте»... Да это же преисподняя для скота, а не предельная чистота! К чёрту всех его предков до восемнадцатого колена!

— А ты, оказывается, знаток священных текстов, — с насмешкой заметила тень. — Они поклоняются Майтрее Накопленного Снега.

Поклоняются?

В свете луны Дань Фэн заглянул в подвал, и его желудок снова свело. Внутри доверху были сложены туши жертвенных животных. Оттаивая, они выделяли потоки трупной жидкости и жира.

— Надо же Сюэлянь придумать такое подношение, — машинально проговорил Дань Фэн, и вдруг почувствовал неладное. — Оттаивая... значит, это было ещё до ледникового периода у озера Белой Пагоды. Сколько же эти туши здесь пролежали? В мирских храмах правила должны быть строже.

— Пять заповедей, — сказала тень. — Не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй, не пей вина.

— Будет ли приличный храм прятать в подвале мясо? Не боятся, что Будду стошнит...

Не успел он договорить, как Майтрея Накопленного Снега распахнул свой улыбающийся рот, и его голос ударил, словно палка по голове:

— Облик живых существ порочен, нечист и грязен! Вы жаждете плодов этого мира, когда же вы обретёте спасение!

Вокруг его подобного горе тела сидели сотни трупов монахов с сине-чёрными лицами. Все они, скрестив ноги, читали сутры, плотно окружив главный зал. Услышав упрёк Майтреи, они завывали ещё громче.

— Во всех грехах, что я совершил, ныне я каюсь... если я в этой жизни, если я в нынешней жизни...

В искажённый канон Сюэлянь было вплетено несколько строк из «Сутры покаяния тридцати пяти Будд».

Сидящий впереди монах был тронут сильнее всех. Во время пения его лицо искажалось от боли, словно он действительно страдал от неискупимого греха. Слезы катились по его щекам и тут же замерзали.

Этот миг, когда его лицо стало почти живым, вызвал у Дань Фэна ещё большее отвращение.

Понимали ли они, что перед ними не бодхисаттва, а злокозненный Сюэлянь?

— Плохо дело, — сказал Дань Фэн. — Монахи нарушили заповеди, и Майтрея поймал их на этом.

Увидев муки раскаяния монахов, Майтрея Накопленного Снега издал странный смех и опустил руки. Жир из подвала, смешанный с останками животных, хлынул наружу, омывая лотосовый трон. Он таял и застывал, словно масло в светильнике, пока желтизна не исчезла, кости не растворились, и всё не стало прозрачно-белым. Дхарма-тело Майтреи засияло в ответ, его плоть разрасталась, становясь всё более похожей на нефрит.

— Он и вправду пришёл очистить их от скверны? — спросил Дань Фэн.

— Обращает или поглощает? — подперев подбородок рукой, спросила тень.

— Ты прав, кажется, ему это очень нравится, — тихо сказал Дань Фэн. — Нехорошо. Когда он сожрёт все подношения, следующими будем мы... и мой клинок.

Осознав что-то, Дань Фэн резко обернулся, глядя сквозь горы трупов и море жира.

— Мой клинок! — воскликнул он.

Несколько потоков жира вылились за дверь. Клинок Фэнъе зазвенел, погребённый под толщей льда, от него осталась лишь смутная, неясная тень.

— Тень, у тебя появились силы? Вытащи его!

— С чего бы мне...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, но твоя пипа тоже скоро утонет... Пожалей своего собрата по несчастью, тень!

Железная пипа с лязгом была перенесена на уцелевший стол. В то же время тень повернула запястье и сделала хватательное движение правой рукой.

Тень клинка в снегу дрогнула.

В момент соприкосновения произошло нечто неожиданное. Тень вскрикнула от боли и резко отдернула руку, но боль, очевидно, последовала за ней. Хоть она и схватилась за правое запястье, её пальцы продолжали сводить безумные судороги.

— Что случилось?

Дань Фэн резко обернулся, но его оттолкнули рукавом.

На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым, болезненным дыханием тени. Только что она истекала кровью и не замечала этого, а теперь, казалось, боялась малейшей боли. Она лишь положила тыльную сторону ладони на пипу и пристально смотрела на кончики своих пальцев. Даже её худая спина дрожала.

— Клинок Фэнъе ранил тебя? Не может быть. Он чувствует то же, что и я, и отличает своих от чужих.

Грудь тени вздымалась. Через некоторое время она смогла выговорить лишь одно слово.

— Горячо.

— Как это возможно? — вырвалось у Дань Фэна.

Истинный огонь в клинке давно погас, и никакие сокровища мира не могли его восстановить. Для любого это был лишь кусок холодного, бесполезного металла. Только он сам мог испытывать обманчивое ощущение жара.

Как мог клинок, замёрзший во льду, быть горячим?

Дань Фэн смотрел, как она дрожит, прислонившись к пипе, такая же жалкая, как в день их первой встречи. Он не мог больше задавать вопросы — времени не было!

Весь жир был поглощён. В лунном свете раскинулся сияющий снежный лотосовый трон, занявший почти весь зал. Огромный живот Майтреи, способный вместить всё, и его ещё более широкая улыбка... под этим милосердным обликом Дань Фэн почувствовал леденящий холод.

Потому что его губы всё ещё шевелились.

Две толстые, широкие губы блестели от жира.

Это явно не было признаком сытости.

— Вы... неискренни... грязны... нечисты!

Плохо!

Пение обрушилось на него сверху.

Голос Майтреи внезапно стал ясным. В нём звучало безграничное сострадание, от которого разум содрогался, и все мирские мысли таяли, как снег.

«Во всех грехах, что я совершил, ныне я каюсь... если я в этой жизни, если я в нынешней жизни...»

«Сутра покаяния тридцати пяти Будд», произнесённая им лично, обладала такой мощной силой, что заставляла жалеть о собственном рождении.

Дань Фэн понял, что дело плохо, как только тот открыл рот, но было уже поздно затыкать уши. Высшие истины захватили его разум, и на его бровях быстро образовался слой инея.

Пение то приближалось, то удалялось. То оно проникало в самые глубины слуха, то звучало издали, подхваченное хором голосов, становясь всё более неземным. Казалось, весь мир превратился в сверкающую гладь воды, со всех сторон отражающую его тайные страдания.

— Дань Фэн.

— Глава пика? Боятся многие, уважают немногие. В одночасье лишился истинного огня, враги у ворот, много ли осталось друзей?

— Ты — звезда бедствий. Едва родившись, сжёг свою мать. Друзья и соратники плохо кончили. Всё из-за твоей тяжкой кармы, неужели не раскаешься?

— Уничтожил всех демонов? Где бы ты ни прошёл, на сотни ли оставалась выжженная земля. Под твоим клинком бесчисленные обратились в прах. Можешь ли ты отличить демонов от невинных?

— Десять лет назад, почему погас твой истинный огонь? Кого ты можешь защитить теперь?

— Почему боишься думать? Почему боишься сказать!

Пение превратилось в его собственный голос, который, казалось, готов был вырвать сердце из груди, чтобы задать эти вопросы. Каждое слово било в цель.

Он родился с истинным огнём, но был лишён родительской любви. В момент его рождения случилась катастрофа, унёсшая жизнь его матери, чей облик он даже не знал.

В самые бурные годы юности его силой заставили провести десять лет в Землях Милосердия и Скорбной Тайны, отпевая гниющие трупы. Лишь тогда он научился отличать добро от зла. Но тот, кто учил его, давно ушёл, и у него никогда не было шанса искупить свою вину.

В молодости он был полон энтузиазма и считал своим долгом истреблять демонов. Но так он нажил себе ещё больше врагов, и ему оставалось лишь отвечать насилием на насилие, заработав себе дурную славу. Духовный корень огня — чем больше препятствий, тем сильнее становишься. Сжечь всех, кто стоит на пути, и дело с концом.

Пока не погас истинный огонь. В одну ночь он упал на самое дно.

И тогда он понял, что он — ничто.

Не удержать, не защитить.

Он словно потерял что-то очень важное, что-то, что, как ему казалось, он крепко держал в руках благодаря своей силе. Но воля небес, подобно клинку, отрубила ему руку, оставив лишь фантомную боль.

Досада, поражение, раздражение, раскаяние... всё без причины, без конца.

Даже если он отчаянно тренировал своё тело, снова призвал свой клинок, что это доказывало? Он мог лишь сквозь угасающие угли своего даньтяня смотреть в бездонную трещину.

«Во всех грехах каюсь... без привязанностей, без одержимости, всё обратится в прах, перенесённый снегом!»

Неверно.

Почему эта фраза здесь?

«Сутра покаяния тридцати пяти Будд» внезапно сменилась «Истинным канонем Великого Озёрного Духа Снега»! Текст был разрезан и вставлен в буддийскую сутру. К этому моменту в груди слушателя уже стоял такой холод, что хотелось на месте умереть.

Дань Фэн нахмурился, его губы зашевелились.

Покаяться? Отбросить привязанности? Обратиться в снежный прах, и с тех пор не будет ни забот, ни тревог... так и должно быть, но...

Динь-динь-дон-дон.

Звук струн пипы коснулся его слуха. Очень тихий, но, словно струйка тёплого воздуха, он заставил его веки дрогнуть. В следующую секунду его щеку обожгло болью, и на ней появилась кровавая царапина.

Ш-ш-ш!

Зрение качнулось, мозг замёрз, всё вокруг было подёрнуто ледяной дымкой. Несколько призрачных пальцев лежали на струнах пипы и тихо перебирали их.

Раны на кончиках пальцев не зажили, и что-то вязкое, как вода, стекало по запястью, превращаясь в призрачные тени, не желающие рассеиваться.

В полузабытьи он слушал, как тень играет на пипе.

В отличие от его смятения, это была ненависть, сметающая всё на своём пути, алая кровь.

Тень ни на миг не поколебалась, она продолжала тренироваться!

Или, вернее, бесконечная погоня за силой и была его одержимостью.

Звуки струн, монотонные и тяжёлые, обрушивались на Майтрею Накопленного Снега. Какая разница, что за ересь он там бормочет?

— И это поможет? — сказал Дань Фэн. Он был в плену иллюзий, и слова его были резки. — Глупо!

Тень молчала некоторое время, затем схватила струны одну за другой.

— Что ты сказал?

— Ты видел в мире хоть одну технику владения клинком, которую можно освоить за одну ночь? Гнаться за быстрым результатом — это глупость. Поможет ли это?

— А почему нет? — ответила тень.

Словно в подтверждение его слов, лунный свет, проникающий сквозь разбитое окно, осветил несколько бледных царапин на животе Майтреи Накопленного Снега.

Он и вправду оставил на нём следы? Дань Фэн знал, насколько силён Майтрея Накопленного Снега, и понимал, насколько ужасающ прогресс тени. Но этот кровавый, по капле, прогресс был лишь иллюзией на пути самосовершенствования.

— Кошачьи царапины, — сказал Дань Фэн. — Ты до крови сорвёшь пальцы, но для него это будет лишь лёгкая щекотка. Какой смысл в сиюминутной победе? Над тобой всё равно нависает рука, способная перевернуть небо и землю. Поможет ли это?

В его словах звучала горькая самоирония. Он ожидал, что тень снова ударит его струной, но тот лишь перебирал струны. Звук пипы был яростным, но сердце оставалось холодным, как вода.

— Дань Фэн, — тень впервые назвала его по имени. — Если бы я смирился с судьбой, меня бы здесь сегодня не было.

— Рассеяться слишком легко, но я не смирюсь.

— Ты говоришь, что звуки моей пипы полны крайности, но я могу ухватиться лишь за них. Прогресс медленный лишь потому, что я не заплатил достаточную цену. Если он готов принять её, я не пожалею ничего!

— Запретные техники быстры, но многие ли хорошо кончили? — спросил Дань Фэн.

— Хорошо кончили? — усмехнулась тень. — Ты, видимо, не знаешь, каково это — не иметь ничего?

В застывшем сердце Дань Фэна вспыхнула искра оскорблённой гордости.

— Как я могу не знать? Я прошёл достаточно кривых дорог, пытаюсь доказать свою силу. В итоге я не смог удержать ничего. Тень, не повторяй моих ошибок!

Тень дёрнула струну, и у него перехватило горло.

— Так что с тобой? — медленно произнесла тень. — Ты просто временно пал духом или сожалеешь обо всём этом пути, полном упрямства?

Сердце полно сомнений!

Дань Фэн резко открыл глаза. В то же время снаружи раздался треск льда, и знакомый холодный свет ворвался в зал.

Дзынь!

Это был Клинок Фэнъе.

Дань Фэн замер на мгновение. Он назвал тень упрямой и одержимой, а тень назвала его павшим духом. Но именно это и привело его в чувство. Он протянул руку и поймал клинок.

— Спасибо, тень!

Тень сидела на стене, двумя пальцами проведя по тени клинка. Ладонь Дань Фэна обожгло жаром, и он услышал:

— Так себе.

— Так себе? — переспросил Дань Фэн, щёлкнув по клинку. — Видимо, звук был не очень приятным. Эх, дружище, ты всё ещё замёрзший.

Лезвие было покрыто толстым слоем инея, и его истинный облик был скрыт. Судить о нём так было несправедливо.

— Я о тебе, — сказала тень.

Дань Фэн вздохнул с облегчением.

— Этот канон способен пробуждать внутренних демонов и разрушать основу пути, поэтому я и

пал духом. Если бы не ты...

— Нет, — сказала тень. — В тебе есть вина, но нет стыда.

— ...Я просто хотел спросить, не нужна ли тебе Жемчужина, конденсирующая снег, — сказал Дань Фэн, приблизившись к нему. — У меня нет стыда? Отлично. Раз уж ты меня раскусил, то... не обессудь!

Не успел он договорить, как согнул колени и, упершись одной рукой в обух клинка, прижал его к неровной стене. Он провёл лезвием по камню, от внутреннего края к внешнему. Мышцы на его плечах и спине напряглись, а затем расслабились, словно тигр, вырвавшийся из клетки. Клинок Фэнъе издал низкий, протяжный звон.

Свет от клинка упал на тень. Тот, естественно, поймал тень клинка пятью пальцами и с резким движением отбросил её назад. Ледяные осколки посыпались на пол.

— Тень, ты помогаешь мне точить клинок?

— Я просто видел, как ты только что хвастался. Кошачьи царапины? — ответила тень.

Туда-сюда, и драгоценный клинок был наточен.

Дань Фэн усмехнулся, оттолкнулся ногой от стены и, взмыв в воздух, схватил клинок обеими руками. Мощь тысячи громов обрушилась вниз!

Чётки на груди Майтреи первыми почувствовали энергию клинка и с треском разорвались. Два его улыбающихся глаза дёрнулись, словно железные шары, и устремились на клинок.

— Нечистый... нечистый... без благоговения!

— А я благоговею перед тобой, как перед глиняным идолом!

Не успели слова сорваться с его губ, как клинок уже вонзился в глаза Майтреи, и из трещин хлынул ослепительный белый свет. Энергия клинка была настолько яростной, что, даже пронзив череп, она пробила глубокую борозду в снегу за пределами зала.

Извлечение клинка, напротив, было беззвучным, мягким, словно он скользнул по тёплому воску.

Правая половина лица Майтреи обрушилась, с грохотом соскользнув вниз.

Дань Фэн приземлился, встряхнул клинок и, обернувшись, спросил:

— Ну как?

— Обернись, — ответила тень.

В следующую секунду Дань Фэн увидел, как отвалившаяся половина головы Майтреи медленно поползла на место и с щелчком примёрзла, став ещё крепче.

— Глиняный идол, — задумчиво произнесла тень.

— ...

Как только голова встала на место, белая плоть на груди и животе Майтреи забурлила, словно переваривая что-то, а его рукава зашевелились без ветра.

Дань Фэн почувствовал неладное. Он выставил Клинок Фэнъе перед собой, но было уже поздно.

Майтрея взмахнул правой рукой, и знакомая энергия клинка ударила ему в лицо.

Чёрт, эта тварь ещё и приёмы ворует!

Даже с защитой Клинка Фэнъе его отбросило назад с такой силой, что он проломил собой стену.

— Кха-кха-кха!

Без сомнения, это была та же техника, которую он только что использовал. Хоть в ней и было не больше трёх-четырёх десятых его силы, но била она больно.

Спину пронзила острая боль. Дань Фэн сплюнул кровь и уже собирался опереться на клинок, чтобы встать, как услышал крик тени:

— Пригнись!

Раздался звук пипы, пронёсшийся над его волосами. С двумя тихими щелчками несколько трупов монахов, перерубленных пополам, упали перед ним.

Дань Фэн всё понял. Он схватил стелу, взвалил её на плечо, и они оба выскочили через пролом, проскользнув под лотосовым тронном из жира.

— Он нас заметил, осторожно, не дай себя поглотить! Нужно найти место, чтобы прочитать стелу, а потом разберёмся с ним. И ещё...

— Мм?

На бегу Дань Фэн протянул руку и коснулся стены. Тень его пальцев легла на руку тени.

— Больше не трогай струны. Подожди, я сделаю тебе плектры, тогда сможешь играть хоть три дня и три ночи напролёт. Из метеоритного железа пойдут?

<http://bllate.org/book/16978/1584499>